

Последний день. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Последний день. Максим Горький

Антон Матвеевич Паморхов всю ночь не спал, чувствуя себя как-то особенно, по-новому плохо, – замирало сердце, от этого большое, дряблое тело, холодея, разваливалось, расплывалось по широкой постели, и хотя давняя ноющая боль в ногах исчезала в эти минуты, но утрата привычного ощущения тоже была неприятна.

Темнота в спальне жутко шевелилась, как туман над болотом, создавала неясные, пухлые фигуры, и Паморхов напряжённо слушал, как червь точит дерево зеркального шкафа, всё ждал, что кто-то позовет его тихонько:

"Антон..."

Особенно тревожно ожила темнота на рассвете, когда спряталась по углам, открывая понемногу зеркало в двери шкафа, и в зеркале постепенно росло, выяснялось отражение чего-то огромного, – оно ворочалось, взбухая и опадая, дышало со свистом и приглушённо стонало.

Паморхов не скоро понял, что это – он, его тело; а когда понял, то почувствовал себя в небывалом раздвоении с самим собою, как будто он – одно существо, а его тело – другое, неприязненно отделившееся от него, всосавшее из темноты множество тягостных и тревожных ощущений, оно живёт ими, а всё настоящее Паморхова – его весёлые мысли, игривые желанья – всё вытеснено из него.

Рядом с ним крепко спала Капитолина, лёжа, как всегда, вниз лицом, крепко окутав голову одеялом и не дыша, точно мёртвая.

На рассвете Паморхову показалось, что в кресле у шкафа сидит рыжий змей-удав, – сидит, изогнувшись вопросительным знаком, неподвижно нацелив в лицо Паморхову большой, тусклый глаз цвета меди.

В этом тягостном раздвоении Паморхов лежал почти до полудня, закрыв глаза, стараясь не двигаться, чтобы окончательно не разорвать себя надвое.

Поздно утром он задремал и не слышал, как ушла женщина; его разбудил дождь, настойчиво стучавший в ставни спальни.

Встал он с тем же ощущением разлада, раздвоения, умылся, надел серый халат с бархатным малиновым воротником и такими же обшлагами, долго удивлённым взглядом выпученных глаз рассматривал в зеркало небритое, сизое, плюшевое лицо, смотрел, ни о чём не думая, и всё взбивал рукой густую шапку сивых, вихрастых волос.

– Бодришь, Антон! – неожиданно для себя сказал он и жалобно усмехнулся.

Потом, неохотно выпив чашку кофе в столовой, он прошёл в пустоватый, холодный зал, тяжело передвигая непослушные ноги в меховых туфлях, засунув большие пальцы за шнур-пояс. Идя, он запел, сипло и фальшиво:

В час, когда но-о...

Пел и думал:

"Не надо ничего показывать ей... Написать сестре..." Остановился, задохнувшись, – лёгкие точно водой были налиты. Он кашлял, встряхивая тяжёлой головой, лицо посинело, цвет шеи стал одинаков с воротником халата, глаза выкатились из орбит стеклянными шариками, толстая нижняя губа отвисла, обнажив расшатанные кабаньи зубы. Но, прокашлявшись и отдохнув, он снова запел:

Тихо ля-я...

Остановился и сказал, заглядывая в дверь сумрачной гостиной:

– Три ноты осталось, слышишь?

Негромко и точно сквозь сон Капитолина ответила:

- Слышу.

Тихо. Паморхов, стоя среди зала, озирается, сморщив лицо. Вдоль стен чинно стоят стулья с выгнутыми ножками и спинками в форме лир, в простенках – два зеркала, в тускло-золотых рамах, точно болевшие оспой; на одном подзеркальнике бронзовые неуклюжие часы под стеклянным колпаком, их синий маятник неподвижен; на другом – фарфоровая дама жалобно показывает уродливо маленькую ножку. Налево у стены оскалилось пианино, в углу безобразно развесил тёмные листья и серые воздушные корни огромный, до потолка филодендрон.

- Н-да, – сказал Паморхов, повернувшись спиной к зеркалу и глядя в чёрную дыру камина. – Вещи...

В час, когда-а...

На камине лоснится, точно маслом смазанное, киштымское чугунное литьё: бедуины верхом на тонконогих лошадях размахивают длинными ружьями. Чёрные квадратики фотографий и гравюр на стене – точно окна, прорубленные во тьму. По обеим сторонам камина стоят фикусы, нищенски бедные листьями.

- Р-ра, – рычит Паморхов, снова передвигаясь к окнам, – рамы зимние пор-ра вставлять...

Небо туго обтянуто сердитой, одноцветно сизой тучей, земля – полиняла, зелены и ярки только сосны, чисто вымытые осенними дождями, да – чуждо всему – качаются красные гроздья рябины на голых ветвях. Кроны сосен и ветви рябин высунулись в небо из-за бурой, похожей на крышку гроба, крыши земского барака для заразных детей.

Дом Паморхова на угорье, из окон виден почти весь город Дрёмов тёмные домики сползают к реке Пьяной, сталкивая под гору две церкви, когда-то белые, теперь облупленные и точно избитые. Реки не видно за крышами, видны луга и поля за рекою; скучно чередуются чёрные и рыжие полосы пашен, торчат деревья, точно нарисованные неумелой рукой ребёнка. Галки и вороны чёрными шарами повисли на чёрных ветвях.

По сырым пашням мнутя коровы, ходят маленькие, игрушечные лошади, а людей – нет, только по тёмной ленте дороги маячит кто-то одинокий. Идёт он быстро и, словно измеряя землю, машет палкой, закидывая её вперёд.

- Что ж? – обиженно бормочет Паморхов, мигая и хмурясь. – Все умрут...

Вся земля как будто напитана обидой, тоскует, готовая каждую минуту завывать, застонать, облиться слезами, как женщина. Этот одинокий человек на дороге тоже убегает от обиды, сказав кому-то:

- Ну, бог с тобой, коли я плох – я уйду...

Паморхов, мигая, следил за ним и соображал: этим ходом часа через полтора он придёт в Тычки, часам к восьми – в Храпово, а к полуночи – на станцию Лисий Гон. Если в четыре часа утра сесть в товаро-пассажирский и ехать налево – завтра будешь в Арзамасе, а там, через Нижний, в Москву... Но если и направо ехать, тоже можно попасть в Москву.

- Дурак! – громко сказал Паморхов вслед человеку и, отхаркнув, спросил:

- Капочка, сколько времени?

- Два, без... семи. Вы, кажется, на пол плюнули?

- В цветок. Скажи, чтобы затопили камин. Ты что читаешь?

- Тушар-Ляфос, "Летопись круглого окна".

- Не знаю...

Он стоит в двери гостиной, держась за косяк, и смотрит: комната, обитая

Последний день. Максим Горький gorkiyamaxim.ru серовато-голубым сукном, тесно заставлена мягкой, пузатой мебелью с высокими, вспухшими сиденьями. Под окном на изогнутой кушетке лежит Капитолина Викентьевна – она тоже в стиле этой пухлой мебели. Из-под её голубого капота высунулись короткие, круглые ноги в туфлях красного бархата с золотым шитьём; она поставила толстую книгу на грудь себе и, неудобно согнув шею, бегаёт светло-голубыми глазами по страницам мелкой печати в два столбца. Руки по локоть голые, тоже коротки и круглы, а головка маленькая, хотя белокурые волнистые волосы буйно встрёпаны. Лицо у неё розовое и крепкое, точно яблоко анис. Одурающе пахнет духами и теплом женского тела. Паморхов сопит, крутя багровым носом, идёт к женщине, садится в ноги её и говорит, вздыхая:

- Самый интересный писатель всё-таки Александр Дюма...
- Не щекотите. Их – двое.
- Александр, я понимаю...
- Оба Александры. Ах, не трогайте...
- Ну, чёрт с ними! Какая ты капризная сегодня...

Женщина, подобрав ноги, прикрыла их капотом – капот распахнулся на груди. Паморхов угрюмо говорит:

- Придёт доктор, а ты в одной рубашке...
- Успею одеться...
- Он, вероятно, скоро.

Женщина, отложив книгу на кривоногий столик, говорит, обиженно и в нос, звуками кларнета:

- То вы говорите, что кутаюсь, то почему не одета? Вам нравится, то есть, Помпадур?
- Мне ты нравишься, – со свистом шепчет Паморхов, склоняясь к ней, а она деловито упрекает:
- Вот видите, а говорили – почему не одета? Не для доктора же...

Паморхов хрипит:

- Доктор умный человек, но – свинья! Это даже сказано кем-то про него...

Он хохочет, всхлипывая, но вдруг, посинев, выпрямляется и, закрыв глаза, мычит:

- Мне... мне – худо...

Капитолина судорожно тычет пальцем в кнопку звонка, топая ногою, вскрикивая:

- Чирков, зовите доктора...

Теперь, стоя в распахнутом капоте, она похожа на старинное бюро, рядом с ней, – оно такое же низенькое, широкое, ящики его так же выпуклы, как живот и грудь Капитолины.

- Ничего, прошло, – рычит Паморхов, растирая грудь. – Ты не волнуйся...

А через несколько минут он, сидя рядом с женщиной на кушетке и обняв её, говорит, усмехаясь:

- Это всё от неподвижности, от спокойной жизни.. Распустился я очень...
- Вы очень много пьёте.
- Э-с, так ли пьют!

- Но- не в ваши годы...

Опрокинув её на колени себе, он просит хриплым голосом, облизывая губы:

- Ну, расскажи мне - за что ты меня любила?

- Ах, господи, опять! - капризно восклицает женщина, а он тянет, точно ребёнок:

- Расскажи-и...

И женщина, не торопясь, спокойно, как бы отвечая хорошо знакомый урок, говорит, прижмурив глаза:

- Первый раз я была поражена вами, когда в городе стали говорить, что только один подполковник Паморхов не был в соборе на молебне, когда читали манифест. Я подумала: "Какой храбрый человек! Вот настоящий человек, подумала я. - Если он может один против всех - это герой..."

Её кукольное лицо не оживляется, но цвет глаз стал гуще, она смотрит в потолок и словно читает написанное там и произносит слова медленно, всё тем же скучным тоном кларнета. В окно стучит дождь, на воле взвизгивает ветер.

- Потом я увидела вас, когда разгоняли с площади революционеров. Было очень страшно, когда на них поскакали наши и вы впереди всех, а они закричали и бросились в разные стороны.

- Точно грязь потекла, - с гордостью вставил Паморхов.

- Да. А вы - за ними. Это было самое лучшее, что я видела в настоящей жизни, самое...

Не находя слова, она молчит, потягивается и поднимает вверх руки, сжав маленькие, пухлые кулачки. Паморхов целует руку её в сгибе локтя.

-- Щёкотно! Мы с тётёй тогда говорили: "Вот, кто спасает нас". А она сказала: "Помолимся за него, а потом ты напиши ему письмо..."

- Разве ты не сама придумала написать мне? - спрашивает Паморхов, откашливаясь.

- Господи, вы спрашивали меня об этом десять раз! Не могу же я сочинять, чего не было...

- Ну, да... хорошо! Дальше.

- Потом вас стали ругать в газетах, и я плакала, когда тётя сказала, что ругают. Подруги в институте тоже ругали, некоторые, даже - только две: Яхонтова и Сикорская. А я - злилась: как это несправедливо. Один против всех, а его - ругают. Тогда уж я сама написала вам, что понимаю вас и что вы - спасли Россию...

Она озабоченно разглядывает заусеницу на указательном пальце, лижет палец языком и всё говорит, скучно, как дождь, а Паморхов, покачивая её на руках, как ребёнка, смотрит в пол, через неё, и бормочет:

- Ах ты, искорка моя золотая...

- Слышите - звонок! Это доктор...

Соскочив на пол, она уходит мелкими шагами, большой старый человек смотрит вслед ей, сморщив брови, мигая, и ворчит:

- Она не меня любит... разумеется! Чёрт её знает, кого это она любит... Ну что ж? Я - всё знаю, но - ничего не вижу...

Он встаёт и, грозно сдвинув брови, глядя в зал, рычит:

В час, когда ночные тени...

Тихо лягут на поля...

- Бон суар, доктор! (добрый вечер, доктор - Ред.)

Доктор Рушников - мужчина высокий, тонкий, с подстриженными усами и тёмной бородкой клинышком; виски у него седые, в бороде под губою тоже серебряный язычок. Лоб выпуклый, а нижняя челюсть коротка, от этого кажется, что доктор понурил голову, хотя он держит её прямо и весь напряжённо, как бы вызывающе прям. Его узкие, глубоко посаженные глаза скошены, он смотрит на всё недоверчиво и словно из-за угла.

- В чём дело? - спрашивает он сухоньким баском, грея руку у камина, где яростно трещат дрова, брызгая искрами.

- Задыхаюсь, брат...

- На то и астма. А печень?

- Ничего, но вот сердце...

Доктор притиснул бородку ладонью, загнул её к носу и внимательно рассматривает, а Паморхов, сидя в кресле, рассказывая о себе, смотрит на него жалобно вытаращенными глазами и улыбается, эта улыбка ещё более расширяет его отёкшее лицо.

- Так, - говорит доктор.

Он ходит по комнате журавлиным шагом, отчётливо постукивая каблуками. Полы сюртука, развеваясь, показывают длинные, тонкие ноги.

Стёкла в окнах стали мутно-синими, на паркете пола трепещут отсветы огня, из камина выскакивают золотые искры, и доктор говорит, указывая на них глазами:

- Еловые дрова не годятся для камина!

Хозяин обиженно молчит с минуту, за окном посвистывает ветер.

- Вот ты велел снять драпри, комната стала нежилой...

- Пыли меньше.

- Я тебе рассказываю, что чувствую, а ты молчишь...

- Думаю.

Входит Капитолина, одетая в тяжёлое платье из бархата какого-то пивного оттенка.

- Здравствуйте, - кивает она доктору пышно причёсанной головкой, её невинные глаза смущённо хмурятся.

Доктор жмёт ей руку и спрашивает, глядя в сторону:

- Как живём?

- Прекрасно. Я сказала, чтобы обед подали здесь...

Она тотчас исчезает, а Паморхов смотрит в лицо доктора.

- Э-с?

- Н-да, цветёт...

- Она, брат, любит меня...

- Ты спрашиваешь?

- Нет, я знаю.

Последний день. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Доктор снова шагает, равнодушно говоря:

- Выдумала она тебя.
- Что? - сердито восклицает Паморхов. - Как это - выдумала?
- А как всегда: мы выдумываем их, они нас...
- Ну, это, брат, плоско! И ты врешь...

Толстая рябая горничная вносит поднос с посудой и бутылками вина.

- Тише! - сердито кричит Паморхов и вдруг улыбается, невнятно говоря:
- Я всё знаю, но ничего не вижу...
- Как? - спросил доктор, прислушиваясь.
- Какие же новости в городе? - спрашивает Капитолина, снова входя.
- Дьякон скоро помрёт.
- Ах, боже мой! Это вы нарочно, чтобы позлить меня?
- Какие же новости могут быть у врача? Ну, Головиха собирается родить.
- Садитесь, пожалуйста...
- Опять дождик, - бормочет Паморхов, наливая себе херес. - Будемте, господа, веселее, чёрт возьми мою наружность.

Доктор глотает водку, говоря:

- Ну, это уж напрасно - вино для тебя вредно!
- Яд, знаю!
- Как хочешь...

Капитолина прилежно кушает и сладостно вздыхает от удовольствия. Доктор ест неохотно, как будто брезгливо, Паморхов - отщипывая кусочки пшеничного хлеба, глотает их, точно ворон, и, покашливая, наливает себе ещё вина.

- Всё-таки должны быть новости! - говорит Капитолина, откидываясь устало на спинку кресла. - Вы читаете газеты, ходите в собрание.
- Молодая вы, вот вам и кажется, что должны быть новости, - цедит доктор сквозь зубы, искоса заглядывая в глубокий вырез платья на груди женщины. Лицо Паморхова блаженно тает, но глаза его, отражая огонь камина, блестят жутко, безумно. Он судорожно проводит пальцем по серебряной щетине верхней губы и, глотнув вина, каждый раз сладко жмурится.

На столе - кофейник, синее пламя спирта колышется под красною медью.

- А что, если я - сигарну? Э-с?
- Это очень вредно тебе, - равнодушно говорит доктор, закуривая.

Серая улыбка расплывается по плюшевому лицу Паморхова, он вздыхает, покачивая головой, и гонит ладонью дым сигары в лицо себе.

- Ты, брат, удивительно сух! Как ты жил? Не понимаю...
- Жил, как все, - скверно.
- Как все? Ну, нет... я жил не скверно... нет! Я, брат, ещё отроком чувствовал себя уже... как это сказать?

Последний день. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Ах, говорите без вопросов, - просит женщина, наливая себе коньяк в маленькую рюмку на длинной ножке.

- Это невозможно, Капочка! Накапай и мне коньячку - можно?

Доктор молча приподнял плечи и брови.

- Предо мной всю жизнь горели вопросы, как свечи пред иконой, - хорошо сравнение, доктор?

- Кошунственно.

- А тебе что?

- Истории о живых людях так интересны, и понимаешь их лучше, чем книги, но эти вопросы ужасно путают всё, - говорит Капитолина.

- Подожди! - воскликнул Паморхов. - Ты говоришь, доктор, что меня выдумали, что я сам себя выдумал... Это - вздор! Я себя - знаю. В сущности, я превосходный человек...

- Это... неожиданно! - сказал доктор, с любопытством взглянув на хозяина. - А впрочем, продолжай...

- И буду. Очень жаль, что никто не догадался вовремя, какой я интересный человек, какой оригинал, - торопливо и задыхаясь говорит Паморхов.

За окном темно. В сумраке комнаты, в углу неприятно выделяются изломанные очертания филодендрона, воздушные корни, точно длинные черви, чёрные листья, как уродливые ладони с расплещенными пальцами.

- Ещё в отрочестве, - тяжело кипят слова хозяина, - меня, так сказать, взял в плен вопрос - почему нельзя? И я всю жизнь пытался найти последнее нельзя, дальше которого - некуда идти...

Доктор искоса, сквозь дым смотрит в лицо хозяина внимательно и недоверчиво, взглядом следователя, а Капитолина, глядя в огонь, дремотно улыбается.

- Мои якобы безобразия - только попытки понять - а почему нельзя?

- Ты что читаешь? - спросил доктор.

- Читаю? - удивился Паморхов, но, тряхнув головой и хрипло смеясь, сказал: - Ага, ты думаешь, что я из книг? Ну, брат, я не глупее писателей...

- Продолжай, - попросил доктор, спокойно вытягивая ноги к огню. Только не философствуй. Факт - выше философии.

- Я иду к фактам... Мне, брат, сегодня хочется говорить про себя - это моё право!

Он угрожающе выкатил глаза, багровое лицо его возбуждённо лоснилось, глядя через плечо доктора в сумрак зала, он покачивался и говорил:

- В юности я был очень дерзок, может быть - зол. В зубах разных "нельзя" не почувствуешь себя добреньким, а? То-то! У инспектора гимназии жила девчонка, лет пятнадцати, года на два моложе меня - какая-то дальняя родственница; инспектор держал её в позиции горничной, хотя она тоже училась, гимназистка. Однажды, во время большой перемены, я вижу - её обнимает в сарае некий семиклассник, эдакая, знаешь, революционная шишка, эдакий... Чернышевский, что ли. Ну, нигилист и... вообще я его не любил. Его фамилия - Брагин, Павел Брагин...

Доктор поднял брови, вынул сигару изо рта, как будто желая спросить о чём-то, но промолчал.

- Весна, девушка, мне - девятнадцать лет, я был солидно осведомлён по амурной части, а тут ещё - человек противный. Почему же он может, а мне нельзя? Из всего этого в сумме получился скандал, чёрт их возьми! Зная, что девушку держат

Последний день. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

строго, я поймал её и предъявил серьёзные требования, а иначе, говорю, ваше дело – швах! Я был парень видный, и меня очень удивило, что она заартачилась, мы поссорились, и нечаянно я разорвал ей кофточку на груди. Конечно – крик, люди, заседание педагогического совета, и меня исключили... да. А этот осёл – остался.

– Брагин? – спросил доктор.

– Ну да.

– А девочка? – спросила Капитолина.

– Ей, вероятно, пришлось солоно... Я тогда же перебрался в юнкерское...

Он нахмурился, задумавшись, сердито оттопырив губы. Потом налил коньяку, выпил и пошёл к двери, шаркая туфлями.

Взглянув на его отражение в зеркале, женщина, краснея, опустила глаза, доктор взял её руку и потянул к себе, она, покорно склоняясь, прошептала:

– Ой, не надо...

Не спеша, властно доктор прижался губами к её губам, потом встал и начал шагать, громко стуча каблуками.

– Зачем ты позволяешь ему пить? – тихонько спросила женщина.

– А тебе не всё равно?

– Ночью у него будет припадок, я не люблю возиться...

– Скоро конец.

– Фи, как ты говоришь?

– Как?

– Странные вы, мужчины...

– Да?

– Страшные...

– Вот как...

Капитолина закинула руки за голову и сказала вполголоса:

– А ты, ты – положительно способен на преступление.

Доктор взглянул на неё, говоря:

– Испортила ты себе голову разным вздором. Ну что ж, напишет он завещание в твою пользу, да?

– Не знаю...

– Если ты не сумеешь заставить его написать завещание – будет глупо. Что ты будешь делать, когда он умрёт?

– С тобой жить.

– А жену – отравить прикажешь?

Капитолина засмеялась тихонько:

– Ты – удивительный! Ты даже и говоришь, как преступник...

– Слушай, – сердито сказал доктор, глядя в зеркало, где отражалась дверь, – если ты не сумеешь обеспечить себя...

- Ах, перестань! Ну, сделаюсь кокеткой - это очень интересно, почитай-ка...

- Вздор!

- По-твоему, и madame Дюбарри - вздор? И Диана де-Пути? - спросила женщина.

Доктор, загнув бородку к носу, молчал, а она говорила с удивлением:

- Просто ужас, какой ты невежда, как мало знаешь историю и женщин... Когда мы будем жить вместе, я тобою займусь. Нужно читать, а то и говорить не о чем, согласишься...

В стёкла бил дождь. Сухо скрипел паркет под ногами доктора. Отражение огня, ползая по ножкам стола, странно оживляло его, казалось, он раскачивается и сейчас тоже пойдёт по комнате, звеня рюмками и стаканами.

- Я попробую поговорить с ним о завещании, - говорил доктор. - Но он относится ко мне подозрительно. Он сильно болен. Следовало бы его уложить...

Усмехаясь, Капитолина сказала:

- Уложить - это говорят преступники. Я его уложил, уложу...

Пошатываясь и мыча, вошёл Паморхов, высоко подняв брови, прислушиваясь и спрашивая:

- Вы - о чём?

- Капитолине Викентьевне необходим массаж, если она не хочет полнеть.

- Да, я не хочу. Уж я и так кубышка...

- Э-с, - сказал Паморхов, опускаясь в кресло, - массаж, да... Не перейти ли в гостиную?

- Здесь больше воздуха, - заметил доктор. - И во всех хороших романах беседуют у камина - так? - спросил он женщину.

Она кивнула головой.

- Что же ты хотел сказать этой историей с девушкой? - спросил доктор, усаживаясь против хозяина.

Паморхов усмехнулся, оглядываясь, и, помолчав, сказал:

- Да, я понимаю, что не вышло у меня. Я хотел рассказать что-то благородное, героическое, а вышло - озорство... Тут пропущены детали, вот в чём дело... Детали - это иногда самое главное...

Он задумался, опустив голову.

- Может быть, ты ляжешь отдохнуть? - спросил доктор.

- Да... со временем, - ответил Паморхов и снова замолчал.

Ветер шаркает по стене дома, стучат болты ставен, гудит в трубе. По большой пустынной комнате, в сумраке её, торопливо растекается сиповатый, угрюмый голос.

- Я - революционер, повыше сортом этих, обычных, цеховых! Они передвигают с места на место внешнее, хотят переместить центр власти... как-то там расширить власть, раздробить... это штука ординарная, механическая! А я старался расширить пределы запрещённого в самых основах жизни, в морали... и прочее там... Против каждого "нельзя" я ставил своё "почему?" Я, так сказать, мирный воин... Жизнь -- странная штука. Это, кажется, Достоевский сказал. Или - Гоголь? "С холодным вниманьем посмотришь вокруг - жизнь странная штука". Можешь представить - выхожу я из училища в полк, а этот гусь, Брагин, там же! Чёрт знает что... оказывается, кончил медицинскую академию и служит младшим врачом... пользуется вниманием,

уважением, да...

- Ну - что же? - спросил доктор.
- Ничего. Зачем нам встречаться, а? Говорят - мир велик.
- Ты, кажется, что-то устроил ему?

Паморхов сердито взглянул на доктора, спросив:

- Почему ты знаешь?
- Я встречал его. Вместе жили в Вологде.
- Ну? Он сослан был?
- Да!
- Гм... Какой же он?
- Хороший врач. Пил сильно...
- Пил? Э-с... Удивительно - все встречаются... Он рассказывал про меня?
- Нет. Впрочем, не помню...
- Рассказывал, значит...

Капитолина сидит, неподвижно глядя перед собою, точно спит с открытыми глазами. Лицо её сильно покраснело, рот полуоткрыт, она дышит бурно; косые глаза доктора упёрлись в грудь её и точно прижимают к спинке кресла.

- факты! - бормочет Паморхов, наливая коньяк. - Собственно говоря, я растратил себя по мелочам. Кажется - жил, жил, и даже очень, а вот вспоминаешь - и всё хлам, пустяки всё.. И как будто нет, не было фактов, а только одна философия... чёрт возьми мою наружность!
- Ты бы лёг, в самом деле...
- Не хочу, - грубо говорит Паморхов, оглядывая комнату. - Капочка, прикажи зажечь огонь, что тут за погреб! И этот дурацкий цветок... когда висели драпри, он не лез в глаза так... нахально!

Капитолина протянула руку к звонку на столе, но не достала его и, бессильно уронив руку на колени, улыбнулась сонно.

- Не хочется света... так уютнее!

Паморхов хрюкнул и снова заговорил:

- Это, говорят, нехорошо, но я не люблю честных людей, так называемых передовых и честных. В некрологах всегда пишут: "Это был человек передовой и честный". Они меня раздражают... чёрт их знает чем, но - нестерпимо! Был еврей, держал лабораторию для исследований каких-то... ну, вообще химик! Чахоточное такое существо, глаза огромные и, знаешь, эдакие... с выражением затаённой муки, как пишут в стихах. С упрёком всему миру и мне. Мне особенно! Все дудят о нём: честнейший человек, святая душа... Невыносимо! Я живу на одной улице с ним, встречаемся... Идёт гулять с детьми, девочка у него - превосходная девочка, такая, брат, красавица, лет семнадцати... Два мальчика... Бывало, встречу его, и даже дрожь пройдёт, - ах ты, думаю, козьявка! И не потому, что он еврей, а так, вообще, раздражает...
- Ну, чем же кончилось? - тихо спросил доктор.
- Погубила его химия... знаешь, седьмой год, тогда не церемонились...

Паморхов помолчал, вздохнул и спросил глухо:

- По-твоему, злой я или нет?
 - Вероятно, нет, - сквозь зубы сказал доктор.
 - Нет?
 - Но бываешь не злой, а хуже злого.
 - Хуже, да?
 - Ты очень возбуждён, иди, отдохни, советую...
 - Не хочу же! Д-да... так вот, всё у меня на пустяки и пошло. Бабы, конечно... Это, брат, попросище - бабы, а? Капочка, я не про тебя... ты дана мне судьбой не в наказание, а в награду.
 - Что ж, - сказал доктор, медленно и неохотно, - и за грехи должна быть награда. Грешить нелегко, когда занимаешься этим серьёзно.
 - Э-с, - вскричал Паморхов и хрипло засмеялся, - я грешил серьёзно! Забавные бывали истории. Был у меня приятель, товарищ прокурора Филиппов, удивительно остроумная скотина... Мы с ним на пари гимназистку одну травили, кто первый? Изящная такая гимназисточка, дочь учительницы, француженки... рахат-лукум! Досталось мне. И триста рублей выиграл. Плакала, конечно, просила - женись, говорит! Я говорю: "Mademoiselle, надо было вести себя осторожно!.." А у Филиппова была пассия, жена одного судейского, дама с нервами и принципами...
- Паморхов задохнулся, схватившись за ручки кресла, и неожиданно громко сказал:

- Сейчас...
- Что? - спросил доктор, глядя в камин, но Паморхов продолжал торопливо, точно сбрасывая с себя воспоминания:
- М-монархистка, проповедовала и даже писала что-то, печатала... Надоела ему. "Хочешь пошутить?" - спрашивает. Пошутили, знаешь... Пригласил он её к себе и меня... подпоил... я. Ах... ну, знаешь, мы смеёмся... Едва удержался я в городе...
- Брось-ка ты всё это, - заговорил доктор, наклоняясь и разбивая головню в камине.

Паморхов повернул к нему синее, вздущееся лицо, оно ощетинилось и дрожало. Ухватившись пухлыми пальцами за ручки кресла, он покачивался, вздыхая, как загнанная лошадь. Зрачки его вытаращенных глаз расширились и потускнели, белки налились кровью, он словно прислушивался к чему-то, испуганно и жутко.

Стряхнув дремоту, Капитолина прижала пальцами глаза и спросила:

- Ну, что ж дальше?
- Паморхов засопел, рознял руки и, взмахнув ими, повалился на пол, вперёд головой.
- Чёрт! - вскричал доктор, вскакивая, но не успев поддержать падавшего.

Женщина, открыв рот, упираясь руками в стол, медленно, точно приподнимая тяжесть, вставала, спрашивая шёпотом:

- Он, уже? Неужели?..
- Позови людей, - тихо сказал доктор.
- Господи, неужели...

Паморхов дёргал ногой, толкая стол, звеня бутылками, и вытягивался на полу, освещаемый танцующим огнём камина.

- Говорил я тебе, - заставь написать духовную, - сердито бормотал доктор,

Последний день. Максим Горький gorkiymaxim.ru
поднимая с пола тяжёлую голову Паморхова.

- Не смейте об этом! - крикнула женщина, топнув ногой, и убежала.

Положив на колено себе голову Паморхова, доктор отвернулся в сторону от синего лица с высунутым языком и туго налитыми кровью торчащими ушами. Один глаз Паморхова был закрыт, другой выпученно смотрел в сторону зеркала, а верхняя губа мелко дрожала, сверкая серебром волос.

- Кондратий стукнул, - сказал доктор сердито и озабоченно, но когда ему не ответили, поднял голову и оглянулся. В стекле зеркала, ниже подзеркальника, он увидел себя и больного, два тела плотно слепились в бесформенную кучу, доктор съёжился и быстро спустил голову Паморхова с колена на пол.

Вбежали двое мужчин, горничная, Капитолина, впятером они подняли тяжёлое, расплывшееся тело и, громко топя, вынесли его. Капитолина, открыв рот, пошла за ними, в дверях остановилась, оглядывая комнату, и вдруг взвизгнув, точно её кто-то ударил, выскочила вон.

Трещал и шелестел огонь, отражения его дрожали на паркете жирными пятнами кипящего масла. Однотонно ныл дождь за окнами, в глубине дома возились, визжали, чей-то голос глухим басом крикнул:

- Беги в погреб... лёду тащи...

В пустой, тёмной комнате вздохнуло эхо.

1912 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

Впервые начало рассказа (до слов: "Бон суар, доктёр!") в ранней редакции напечатано в газете "Рязанская жизнь", 1912, номер 82 от 8 апреля, под названием "Начало рассказа". Полностью рассказ был напечатан в "Свободном журнале", 1918, номера 3 - 4, и, с небольшими исправлениями, в журнале "Огонёк", 1923, номер 32 от 4 ноября.

В собрания сочинений рассказ не включался.

Печатается по тексту журнала "Огонёк".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!